

«СМЫСЛ ВОЙНЫ» ВЛ. СОЛОВЬЕВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

АЛЕКСЕЙ КОЗЫРЕВ

*кандидат философских наук, доцент кафедры истории
русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Владимир Соловьев, далеко не самый пацифистски настроенный русский философ, ещё в юности получил опыт «хождения на войну». Мальчишкой, учась в гимназии, по воспоминаниям В.Л. Величко (знавшего об этом, скорее всего, со слов самого Соловьева), Владимир испытывал «прилив отроческого милитаризма: бросался к окнам во время прохождения войск, ходил на парады и маневры и горячо рассуждал о значении храбрости как главной мужской добродетели»¹.

В 21 год, защитив магистерскую диссертацию и снискав у современников ироническое прозвище «философа призывного возраста»², Соловьев начал свою преподавательскую карьеру в Москве, но вскоре расстался с Университетом и перешел на службу в Ученый комитет Министерства народного просвещения. Именно в первый год его службы в этом комитете началась

¹ Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. 2-е изд. СПб, 1903. С. 14.

² В 1874 г., в год защиты Соловьевым магистерской диссертации, в России была проведена военная реформа (военным министром графом Д.А. Милютиним) и введена всеобщая воинская повинность. Подлежащие призыву молодые люди, достигшие к 1 января возраста 20 лет (Соловьев как раз подходил под эту категорию), проходили жеребьевку, те, кому выпал жребий, призывались на действительную воинскую службу, а остальные зачислялись в ополчение. В мирное время от военной службы освобождались педагоги, врачи и еще ряд профессий. Освобождались от службы священнослужители христианских конфессий. Отсрочку могли получить и воспитанники высших учебных заведений, причем выпускники университетов, оставленные для подготовки к профессорскому званию, — вплоть до 28 лет. Скорое принятие решения о защите и оставлении при Университете в качестве приват-доцента было вызвано, в том числе, и соображениями законным образом избежать воинской повинности.

Русско-турецкая война, и Соловьев берет отпуск на два с половиной месяца по причине расстроенного здоровья и как «отпускник» направляется на фронт в качестве военного корреспондента «Московских ведомостей» по поручению их редактора Михаила Каткова. Путь его лежал через имение графини Софьи Андреевны Толстой Красный Рог под Брянском, где его и застал знавший его уже по встречам в Каире годом раньше французский писатель Мельхиор де Воюе: «Однажды утром мы провожали его на Дунай военным корреспондентом Московской газеты, его отправил в армию в этом качестве Катков. Мы спрашивали его, получил ли он все необходимые регалии, чтобы явиться в генеральный штаб, с этим нередко возникают проблемы у журналистов. Он признался, что у него нет никаких бумаг, но зато он взял с собой револьвер. За занавеской вагона он продолжал смеяться своим детским смехом, держа в одной руке огромный букет роз, а в другой — огромный револьвер, которым он неумело и опасно для себя потрясал: оружие, по меньшей мере, странное в руках этого абстрактного существа, которое даже мухи не обидело. Он уехал, полон мечтаний, философствуя, читая стихи. Я думаю, что он дальше Бухареста не продвинется. Люди с воображением могут подумать, что я пишу о сумасшедшем. Но не стоит спешить. Человек вообще есть странное существо. Русский человек странен вдвойне»³.

³ Цит. по: Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. В 3 кн. Кн. 3. Вып. 2. М., 1990. С. 167, пер. с фр. Е. — М. de Vogüé. *Sous l'horizon. Hommes et choses d'hier*. Paris, 1900. P. 18-19.

Эжен-Мельхиор – граф, позднее маркиз де Вогюэ (фр. Eugène-Melchior vicomte de Vogüé, 1848–1910) — французский дипломат, писатель-путешественник, археолог, меценат и литературный критик, историк литературы, член Французской академии. Основное произведение: «*Le roman russe*» (Русский роман, 1886), в котором высоко оценивается русская литература, в частности — И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой. Вогюэ много способствовал своими критическими очерками, публиковавшимся в журналах *Revue des Deux Mondes* и *Journal des Débats*, популярности во Франции русских писателей.

Соловьев добрался-таки дальше Бухареста и перебрался за Дунай, доехав до самого генерального штаба в Свиштово, где он имел объяснение с генералом Д. А. Скалоном. В своих воспоминаниях Скалон датирует эту встречу 18 июля 1877 г.:

«Около полудня ко мне приехал с письмом от Каткова Владимир Соловьев. Я принял его и попросил за неимением стульев присесть подле меня на траве. Судя по наружности, он произвел на меня впечатление, что он взялся не за свое дело. Соловьев был в русском наряде, бархатных шароварах, красной рубашке и суконной расстегнутой поддевке. Красивое продолговатое лицо его украшалось чудными глазами и длинной тонкой бородкой.

— Добро пожаловать, заговорил я первым, каким путем прибыли? Что вас побудило взять на себя обязанности корреспондента?

— Михаил Никифорович мне предложил поехать сюда и писать корреспонденции. Я согласился, быстро собрался и через Бухарест приехал. Михаил Никифорович сказал мне, чтобы я обратился к вам и что от вас получу указание, где находиться, и вы меня устроите и направите туда, где наибольший может представиться интерес.

— С удовольствием все это сделаю,— ответил я,— но скажите, есть ли у вас хоть какая-либо подготовка, чтобы дать верное и беспристрастное описание боя? Потому что вам придется поехать в отряды и следить за развитием военных действий. Вы были когда-либо при войсках, хотя бы на маневрах?

— Нет,— отвечал Соловьев,— я никогда этим не интересовался и ничего не видел.

— Что же вы будете описывать, не имея понятия о том, как войска располагаются на позициях, как атакуют, как обороняются и т.п.

Соловьев удивленно посмотрел на меня.

— А я вас должен предупредить, что вы должны будете присылать ваши описания мне, и я буду их просматривать и отправлять с очередным фельдъегерем. Так как великий князь главнокомандующий разрешил посылать свои телеграммы одновременно с главным штабом и в Москву Каткову для «Московских ведомостей», то корреспонденции должны быть верны и точны.

— У меня никакой подготовки нет, и я полагал описывать то, что увижу.

Из дальнейшего разговора я пришел к заключению, что Соловьев взялся не за свое дело и высказанные им мне воззрения на войны ничего общего не имеют с тем, что желательно от корреспондента, который находится в особо доверительных условиях.

Я ему это прямо высказал и дал добрый совет:

— Вы на меня не обижайтесь, но я должен вам откровенно высказать, что вы взялись не за свое дело, и вряд ли вы выдержите продолжительное время лишения и тяготы войны. Мой совет — уезжайте домой.

Соловьев согласился со мною и тут же уехал⁴.

Однако все-таки предположительно одну корреспонденцию в «Московские ведомости» Соловьев прислал⁵, однако в ней описывается не ход военных действий, а введение нового гражданского управления в городе, занятом русскими войсками, и речи на торжественном богослужении по этому случаю.

Путешествие на театр военных действий не относилось к числу часто вспоминаемых фактов о Вл. Соловьеве, умалчивает о нем и большинство мемуаристов. Однако несколько недель, проведенных им близ линии фронта, вероятно, не прошли даром. Живой рассказ Генерала в первом из «Трех разговоров» мог быть отзвуком тех историй, которые слышал Соловьев во время своей балканской поездки. Своеобразный стиль одежды и поведения Соловьева, отмеченный свидетелями, тоже говорит о многом. Катков и многие другие воспринимали философа как надежду славянофильства, чему он сам стремился соответствовать даже в одежде. В Болгарии Соловьев встречает князя Владимира Черкасского, славянофила и убежденного панслависта, в прошлом члена редакции «Русской беседы» (он заведовал гражданским управлением в Болгарии, занимался миссией Красного Креста и скончался в день заключения Сан-Стефанского мира в 1878 году), и даже привозит с собой в Москву в качестве нарочного его письма жене, которое передает через Ивана Аксакова.

⁴ Скалон Д. А. Мои воспоминания. 1877–1878. СПб., 1913. Т. 1. С. 218.

⁵ Соловьев В. С. Из Свиштова // Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 309–310.

Отношение Соловьева к войне связано с темой насилия государства над личностью, так явственно прозвучавшей в его выступлении по поводу покушения на Александра II 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале в Петербурге, которое привело к смерти освободителя крестьян. Соловьев выступил с публичной лекцией «О ходе русского просвещения» 28 марта 1881 г., которая была назначена и официально разрешена еще до трагических событий 1 марта и в которой Соловьев выступил с призывом к императорскому трону помиловать цареубийц. Однозначно отрицательное отношение Соловьева к смертной казни как мере наказания, которая была, по его убеждениям, неприемлемой для христианского государства, отнюдь не означало неприятия воинской повинности. Скорее наоборот. Соловьев, пытаясь оспорить право государства на смертную казнь, всячески оправдывает право государства посылать своих подданных на войну. Около 1880 г. (эти материалы не вошли, но могли войти в докторскую диссертацию Соловьева «Критика отвлеченных начал») он пишет буквально следующее: «Но допущение войны может быть, с другой стороны, обращено против отвергающих смертную казнь. Мы основываем это отвержение главным образом на том, что государство ни в каком случае не имеет права на жизнь лица. Но этому положению, по-видимому, противоречит воинская повинность, которую государство считает себя вправе требовать ото всех граждан. Так как эта повинность сопряжена с опасностью потерять жизнь, то можно сказать, что если государство вправе распорядиться жизнью любого из граждан, тем более оно имеет право на жизнь преступника. Я не буду указывать на то, что в странах, где государство более держится присущего ему определения, нет обязательной воинской повинности. Допуская вполне право государства требовать от всех подданных военной службы, должно заметить, что здесь государство пользуется только правом организовывать наилучшим образом силы граждан для защиты от внешних врагов, которые столько же опасны для отдельного лица, как и для государства. Никакого права на жизнь лица со стороны государства здесь нет, лицо ставится только в такое положение, в котором оно может потерять жизнь не от государства, которого этого всего менее желает, а от внешних врагов. Здесь потеря жизни для каждого лица есть только риск, только

**СОЛОВЬЕВ, ПЫТАЯСЬ
ОСПОРИТЬ ПРАВО
ГОСУДАРСТВА НА
СМЕРТНУЮ КАЗНЬ,
ВСЯЧЕСКИ ОПРАВДЫВАЕТ
ПРАВО ГОСУДАРСТВА
ПОСЫЛАТЬ СВОИХ
ПОДДАННЫХ НА ВОЙНУ**

Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) – русский общественный деятель славянофильских и панславистских убеждений, активный участник крестьянской реформы, московский городской голова (1869–1871). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов был уполномоченным при действующей армии от центрального управления Общества Красного Креста.

возможная случайность, не зависящая от государства, тогда как при смертной казни лишение жизни есть цель для государства и сущность всего дела»⁶.

Видно, что здесь Соловьев старается выбрать достаточно либеральную концепцию государства, освобождая его от требования обязательной воинской повинности и снимая с него ответственность за гибель своих граждан в ходе военных действий. Человеческая жизнь, таким образом, остается в его концепции высшей ценностью, которая может быть принесена в жертву совсем не

по требованию государства, но по сознательному выбору его гражданина. Примерно эта аргументация (в немного смягченном виде) переносится в его работу «Право и нравственность», написанную приблизительно в то же время, что и «Оправдание добра»: «Война, дуэль, открытое убийство могут быть бесчеловечны, ужасны, с известной точки зрения бессмысленны, но особого, спец-

ифического элемента постыдности в них нет. Что бы ни говорили сторонники вечного мира, военный человек, сражающийся против вооруженных противников с опасностью собственной жизни, ни в каком случае не может возбуждать к себе презрения. Хотя дуэль нельзя и сравнивать с войной, хотя дуэлист справедливо вызывает негодование и преследуется как за преступление, но все-таки человека, выходящего на барьер, никто за одно это искренно не презирает, и по той же причине; этот человек возвышается, по крайней мере, над инстинктивным страхом смерти и показывает, что его собственная физическая жизнь сама по себе без известных нравственных (хотя бы и ошибочно

⁶ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. Наброски // Соловьев В. С. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 409.

LA GUERRE ENTRE LA TURQUIE ET LA RUSSIE
COMBAT SANGLANT ET ACHARNÉ
 LIVRÉ LE 11 MAI 1877. EN TURQUIE D'ASIE. PRÈS DE BATOUM

IMAGERIE NOUVELLE

ACTUALITÉS PL. 39

DÉPÊCHE COMMUNIQUÉE AUX JOURNAUX PAR L'AMBASSADE OTTOMANE A PARIS

Un corps d'armée Russe ayant attaqué, le 11 Mai 1877, les positions occupées par les troupes auxiliaires Turques, aux environs de Batoum, en Turquie d'Asie, il s'ensuivit un combat sanglant et acharné qui dura huit heures et demie; les Russes furent repoussés, laissant 4000 morts

sur le champ de bataille. Les pertes des Turcs sont relativement peu considérables. — A Constantinople comme à Pétra, la population est dans la joie; de grandes réjouissances ont lieu à l'occasion de cette victoire.

Paris, chez Jolly Fils Ainé, 20, rue Malher.

Typ. Lith. Imagerie, Haguenthal, Editeur, à Pont-à-Mousson, (Meurthe & Moselle) Déposé.

понятых) условий не имеет для него цены. То же до некоторой степени можно сказать и про иные случаи убийства. Но вся эта сторона самопожертвования или риска собственной жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая в известных случаях ужас прямого убийства, — в смертной казни совершенно отсутствует⁷. Тот же аргумент «оправдания» войны звучит и в 18-й главе нравственной философии Соловьева «Оправдание добра»: война не может быть приравнена к убийству или злодеянию, поскольку у отдельного солдата такого намерения не бывает, «особенно при господствующем ныне способе боя из дальнотрельных ружей и пушек против невидимого за расстоянием неприятеля». Кроме того, в войну вступают не отдельные индивиды, но собирательные организмы-государства, и их органы — войска, поэтому возможное убийство на войне является случайным. «Только с наступлением действительных случаев рукопашной схватки возникает для отдельного человека вопрос совести, который и должен решаться каждым по совести».

Глава «Оправдания добра» из «Смысла войны», впервые напечатанная в 1895 г. в «Литературном приложении к журналу "Нива"», вызвала смятение в соловьевском окружении. Один из друзей Соловьева писал по его смерти: «Едва ли не в одном лишь вопросе Соловьев по содержанию своих взглядов резко расходился с наиболее сродной ему группой — в вопросе о войне, отношение к которой составляет самую неясную сторону его вообще стройного учения. Когда появилась впервые его статья "Смысл войны", она вызвала всеобщее недоумение. Невольно казалось, что она навеяна исключительно желанием противодействовать теории непротivления злу и что она не имеет внутренних корней в соловьевской системе. "Три разговора" и "Повесть об антихристе" несколько выяснили, почему он так смотрел на войну, но далеко не установили полной логической связи между его основными суждениями и положительным отношением к войне»⁸.

Само название соловьевской публикации перекликается по своей поэтике с другим,

⁷ Соловьев В. С. *Право и нравственность*. М.; Минск: Аст-Харвест. С. 94–95.

⁸ Кузьмин-Караваев В. Д. *Из воспоминаний о В. С. Соловьеве* // Книга о Владимире Соловьеве / Сост. Б. Аверин, Д. Базанова. М.: Советский писатель, 1991. С. 260.

непосредственно ему предшествовавшим по времени циклом из пяти статей, опубликованным в «Вопросах философии и психологии», который был озаглавлен «Смысл любви» (1892–1894). В «Смысле войны» Соловьев еще больше применяет сократический метод ухода от очевидных для здравого смысла данностей и эйдетического проникновения к скрытым пластам смысла, которые обнаруживаются при смене точки зрения, принятии позиции философского наблюдателя, оценивающего мир in total с позиции всеединства. Метафора болезни, с которой начинается статья, дает представление о ее внутренних и внешних причинах, о том, что устранение причин войны требует глубинного изменения и перерождения человечества, а не просто паллиативных мер. «При нравственном расстройстве внутри человечества внешние войны бывали и еще могут быть необходимы и полезны, как при глубоком физическом расстройстве бывают необходимы и полезны такие болезненные явления, как жар или рвота». «Смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное — не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходи-

мою при данных условиях»⁹. Обращаясь к истории человечества в его первобытные времена, Соловьев показывает, что война редко приводит к истреблению слабейшего рода или племени, зато порождает договоры и право как ручательство мира. Не случайно Соловьев обращается к истории всемирных монархий — Ассиро-Вавилонской, Персидской, Македонской (Александра и его преемников) и, наконец, Римской. Философ отмечает их «полусознательное» стремление — «дать мир земле, покорив все народы одной общей власти». «Организация войны в государстве, — парадоксально заявляет он, — есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира»¹⁰. «Война сильнее всего объединяет внутренние силы каждого из воюющих государств или союзов и вместе с тем служит условием для последующего сближения и взаимного проникновения между самими противниками»¹¹.

Сторонник идеи единства человеческой истории, в которой он усматривал предначертанный путь собирания человечества в единый богочеловеческий организм, Соловьев видит в войне практический инструмент к осуществлению своих утопических чаяний «одухотворения объединенного вселенского тела, осуществления в нем Царства Правды и Вечного мира»¹². Сторонник универсализации человеческой истории, Соловьев приводит симптомы развития, которые сегодня считаются классическими признаками глобализации, делая особый акцент на всеобщности материальной культуры, распространяемой в том числе и войной за счет распространения видов оружия, применяемого в войнах: «... всеобщность материальной культуры, осуществляемая отчасти посредством войны, сама становится могучим средством и основанием мира. В настоящее время огромное большинство населения земного шара составляет одно реально связанное тело, солидарное (если еще пока не нравственно, то уже физически) в своих частях. Эта солидарность обнаруживается именно в той сфере, из которой никто выйти не может, — в сфере экономической: какой-нибудь промышленный кризис в Нью-Йорке чувствительно отражается сразу в Москве и Калькутте. Выработалось в теле человечества общее чувствилище (sensorium commune), вследствие чего каждый частный толчок ощутительно производит всеобщее действие. Между тем всякая серьезная и продолжительная война неизбежно сопровождается величайшими

⁹ Соловьев В. С. *Оправдание добра* // Соловьев В. С. *Сочинения*. В 2 т. М.: Мысль, 1990. 2-е изд. Т. 1. С. 464.

¹⁰ Там же. С. 467.

¹¹ Там же. С. 469.

¹² Там же. С. 478.

Сюмэй Окава (1886–1957) — японский философ, журналист, политик правого направления. Окончил философский факультет Токийского университета (1911), специализируясь по классической китайской и индийской философии и религии. Окава был также известен как знаток и ценитель европейской культуры — от Шекспира до Владимира Соловьева.

экономическими потрясениями, которые, при теснейшей связи частей всего земного шара, будут потрясениями всемирными»¹³. Вовлечение в эту всеобщую историю Китая и Японии дает основание предположить, что интеграция Запада и Востока также произойдет через войну и что путь к мировому единству идет через схватку с библейскими «гогами и магогами», в роли которых выступают японцы и китайцы. Причем ключевую роль здесь должны сыграть именно японцы, которые завоюют Китай и опрокинут его потенциал на Европу — «вожди с восточных островов у стен недвижного Китая собрали тьмы своих полков», — напишет он в предшествующем на год «Смыслу войны» стихотворении «Панмонголизм» (октябрь 1894), написанным как отклик на японо-китайскую войну, в которой Китай потерпел сокрушительное поражение.

Сторонник идеи всемирной монархии, которую Соловьев черпает у Данте¹⁴, а в близко предшествующей ему русской мысли у поэта и дипломата Федора Тютчева, вливая ее в представления о всемирной теократии, выстраиваемой как единство трех властей — Царя, Первосвященника и Пророка, в пору написания «Смысла войны» и его последующей републикации в двух изданиях «Оправдания добра» Соловьев напряженно думает о том, какие формы приобретет этот всемирный союз, который должен установиться в «конце времен». Недавний текстологический анализ трех версий текста, проведенный Б. В. Межуевым и Г. Б. Кремневым, показал, как в ходе публикации меняется тип этого союза:

«В окончательной [1899 г. — А.К.] версии об устройстве будущего мирового объединения сказано весьма уклончиво: “Победа той или другой стороны даст мир действительно всему миру. Борьбы государств больше не будет, но этот политический мир, это установление международного единства в виде всемирного государства (монар-

хического или какого иного) — будет ли оно настоящим и вечным миром, прекратит ли оно борьбу, даже вооруженную, между другими, не политическими элементами человечества?”

Между тем, в редакциях 1895 и 1897 гг. первое предложение имеет вторую часть, указывающую на то, что подобно всем предшествующим войнам, предстоящее столкновение — между Китаем и Европой — приведет к образованию новой монархии. “Победа той или другой стороны даст мир действительно всему миру, из этой победы выйдет действительно всемирная монархия”.

Однако уже в 1895–1897 гг. у Соловьева, вероятно, зарождается сомнение в том, что война коалиции колониальных держав с последним оплотом независимого Востока — Китаем — приведет к созданию “одного” универсального государства, а не какого-то особого межгосударственного союза. “Когда все человечество объединится политически — в форме ли всемирной монархии, или же всемирного союза государств, — прекратится ли от этого борьба франк-масонов с клерикалами...” и другие “неполитические”, то есть не межгосударственные столкновения, — задается вопросом Соловьев в “Оправдании добра” (1897). В 1899 г. “всемирный союз государств” заменяется на “всемирный международный союз”¹⁵.

Характер этого «всемирного международного союза» достаточно внятно изображен в «Краткой повести об антихристе», завершающей «Три разговора» (1900). Его установление становится делом франк-масонского заговора, приводящего к власти молодого президента Соединенных Штатов Европы, «социалиста, гуманиста и филантропа», которому и «выпадет честь» заключить пакт и принять особую инициацию.

Мы не ставим своей целью упомянуть здесь все многочисленные реакции на статью Соловьева, появившиеся как в момент ее написания, так и значительно позднее, в контексте всего позднего творчества Соловьева, наполненного тревожными политическими и религиозными пророчествами. Одна из первых таких рецензий была опубликована в киевской газете «Жизнь и искусство» (5. XII. 1895) под заглавием «Вопрос совести» под псевдонимом «Черный», рецензия принадлежала философу Льву Шестову (настоящая фамилия его была Шварцман, Schwarzmann). Это была первая публикация Шестова, в ту пору еще работавшего в отцовском торговом доме. В годы Первой мировой войны очерк Соловьева был переиздан в виде брошюры карманного формата в «Религиозно-философской библиотеке»,

¹³ Там же. С. 475.

¹⁴ См. об этом: Флоровский Г., прот. Соловьев и Данте: проблема христианской империи. Пер. с англ. Е. А. Прибытковой // В кн.: Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник. Философия права В. С. Соловьева. М.: М. Колеров, 2011. С. 411–429.

¹⁵ Межуев Б. В. Смысл войны Владимира Соловьева: эволюция концепции // Портал «Русская идея». 2.06.2014. http://politconservatism.ru/articles/smysl-voyny-vladimira-soloveva-evolyuciya-koncepcii#_edn3 (дата обращения — 29.08.2016).

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – экономист, философ, богослов, публицист и общественный деятель, один из наиболее значительных представителей православной мысли за рубежом, угастник экуменического движения.

издаваемой Михаилом Новоселовым для отправки солдатам на фронт.

Но интересно упомянуть здесь о нескольких отдельных реакциях. Так, в 1928 г. Окава Сюмей, прочитав «Оправдание добра» в немецком переводе, опубликовал в сокращении 18-ю главу — «Смысл войны». Он был идеологом японского национального государственного социализма (кокка сякайсюги), одним из идеологов японской экспансии в Китай и после Второй мировой войны был привлечен к Международному военному трибуналу для Дальнего Востока, но был признан невменяемым и помещен в больницу Американского военного госпиталя, а затем в клинику Токийского университета, где выполнил с европейских языков первый японский перевод Корана. Окава восхваляет идеи Соловьева: «Выдающийся размах аргументации, неопровержимая логика и глубокие рассуждения, которые редко встречаются в европейских философиях»¹⁶.

В том же 1928 г. в Манчжурии китайский маршал Чжан Цзолинь погиб в результате интриги японской армии, а в 1931 г. вспыхнула война, в ходе которой Япония начала захват китайской территории. Конечно, это никак не связанные события, но именно в 1931 г. вышел полный перевод «Оправдания добра» на японский язык, который осуществил профессор этики Токийского университета Йосида Сейти. Именно в предшествующие Второй мировой войне годы, наряду с ростом националистических и милитаристских настроений, в Японии задумывались о поисках «третьего пути», отличного от западного капитализма и коммунизма. В это время вышло немало переводов текстов русских философов, причем эта переводческая деятельность неплохо финансировалась государственными программами. Так, в 1930 г. увидел свет японский перевод «Философии хозяйства» Сергея Булгакова с его предисловием — философа, наиболее близко ставящего себя к соловьевской традиции (возможно, это одно из объяснений ультра-патриотических настроений Булгакова в начале Первой мировой войны и характера его «Рассуждений о войне», находящихся в непосредственной связи со «Смыслом войны» Вл. Соловьева).

16 Микосиба М. О восприятии идей Вл. Соловьева в Японии // Соловьевские исследования. Иваново. 2004, № 9. С. 165.

Французский перевод «Оправдания добра» появился в 1939 г. в издательстве Aubier, переводчик значился под криптонимом T.D.M. В следующем году появилась рецензия на эту публикацию Жака Леклерка¹⁷, где особый акцент был сделан на том, что «Оправдание добра» — это зрелое произведение русского католика. Не входя особо в подробности изложения, автор отмечает, тем не менее, несбыточность соловьевских надежд на мирное развитие европейской истории: «Оригинальные идеи, мощные концепции изобилуют, хотя и соседствуют с некоторыми особенными пророческими взглядами, которые не подтвердились историей. Так, он говорит о том, что Европа достигла стадии морального единства, что никакая европейская война более невозможна и что последней войной будет война между Европой и Азией»¹⁸.

Еще до выхода полного перевода появилась фундаментальная для французского читателя диссертация, защищенная в Страсбурге, исследователя истории русской мысли Дмитрия Николаевича Стремоухова (1902–1961) «Владимир Соловьев и его мессианское творчество». В ней достаточно подробно излагались основные идеи «Смысла войны», причем особое внимание уделялось идее «всемирной монархии» и роли России в ней: «В “Оправдании добра” Соловьев еще верит в то, что можно ожидать всемирной монархии. Применение принципов христианской политики приводит его к необходимости придать России особую роль, в которой он уже начал сомневаться. Всемирная империя, единственное, что может дать санкцию международному праву, продолжает его занимать и приводит его к новому видению своего отечества, более скромному, чем прежде... Оставаться верным самому себе, своей национальной особенностью и во имя ее быть универсальным, всемирным»¹⁹.

«Смыслу войны» была посвящена отдельная статья профессора славистики Лилльского университета Максима Эрмана (1888–1970)²⁰ в журнале «Revue des études slaves» в 1961 г., представляющая подробное изложение содержания статьи, но имеющая и некоторые оценочные характери-

17 Leclerc J. [Vladimir Soloviev, *La justification du bien. Essai de philosophie morale. Compte rendu*] // *Revue néo-scolastique de philosophie*. Année 1940. Volume 43. Numéro 66. P. 186–189.

18 Там же. P. 188.

19 Strémooukboff D. *Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique*. Strasbourg, 1935. 2-ème éd., Lausanne: L'Age d'Homme, s.a. P. 251–252.

20 Профессор Эрман, автор французской биографии Соловьева, прошел сквозь дым Первой мировой. Его военный послужной список на сайте Лилльского университета поистине впечатляет: «Mobilisé au 43-e régiment d'infanterie le 2 août 1914; réformé le 21 septembre 1914; mobilisé de nouveau le 30 septembre 1915 (20-e section de l'État-major); commissaire auxiliaire de la marine, adjoint à l'attaché naval de Stockholm (avril 1918 – juin 1919); démobilisé en juin 1919» (<http://irbis.recherche.univ-lille3.fr/00-SiteUniversite/btdocs/berman-maxime.html>).

стики: «Соловьев в своей работе “Смысл войны” старается избежать двух крайних позиций: одна из них (у Толстого, например) хотела немедленного и абсолютного уничтожения войны, другая, возбуждая национализм, видела в вооруженной борьбе возможность сплотить народы. Соловьев понимает, что нет чистого зла: осуждая войну в ее основе, он старается утешиться ее возможными благими последствиями. Он знал, что войны еще долгое время останутся неизбежными и что отдельные сопротивления им натолкнутся на связь современных государственных организмов. Он предвидел даже гигантский конфликт между Европой и Азией и в мессианской перспективе видел, как из него может вырасти устойчивый мир. Однако он не смог предсказать два ужасных мировых конфликта, которые истребят два поколения, хотя признаки будущей бури уже присутствовали (Соловьев видел в гонке вооружений, скорее, страх перед войной, чем подготовку к ней²¹).

Наконец, современное переиздание «Оправдания добра» во Франции вышло в издательстве Slatkine в 1997 г. и было инициировано почетным профессором Женевского университета, социологом и теологом, католическим священником

Патриком де Лобье (1931–2016), написавшим предисловие к этому изданию. Ревностный католик, разделявший базовое для томистской традиции учение о естественном законе, лежащем в основании морали, отец Патрик был неутомимым пропагандистом философии Соловьева не только во Франции, но и в своих лекциях, читавшихся в рамках «летучих университетов» от Рио-де-Жанейро до Пекина. В 1992 г. он основал Международное общество Владимира Соловьева, которое устраивало конференции, круглые столы, издания в Москве, Париже и Женеве. Как и Соловьев, отец Патрик верил в то, что возможна цивилизация без войн, «цивилизация любви», как он назвал одну из своих книг. Автору этих строк довелось в начале нового века читать с ним курс по «социальной этике» в учебных заведениях Барнаула, Иваново, Самары, Саратова, Санкт-Петербурга. С надорванным болезнью сердцем он каждый день приходил в католический собор Женевы, чтобы безмолвно молиться о душах, пребывающих в чистилище. Неутомимый рыцарь Церкви и соловьевского дела соединения Церквей ушел из жизни в Риме 28 февраля 2016 г. и был похоронен в Женеве. Его светлой памяти и посвящается эта статья.

21 Hermann M. *Le sens de la guerre d'après Vladimir Soloviev / Revue des études slaves*. Vol. 38. 1961. P. 104.